

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ КАРТИНЫ МИРА: «ОПЫТЫ СВЯЩЕННОЙ ПОЭЗИИ» Ф. Н. ГЛИНКИ

Книга стихов Федора Глинки «Опыты священной поэзии» стала заметным явлением русской литературы 1820-х гг. На появление книги откликнулись «Северная пчела» и «Московский вестник». Отклики современников проанализированы в монографии В. П. Зверева [см.: Зверев, 2002, 267–276]. Фактом литературы для советского читателя стихотворения стали в конце 1950-х гг., когда в серии «Библиотека поэта» вышло издание избранных произведений Ф. Глинки [Глинка, 1957]. В то время требовалась большая смелость, чтобы опубликовать хотя бы часть духовных стихотворений Ф. Глинки. Они были поданы исследователем как попытка поэта-декабриста иносказательно, через понятные народу религиозные образы раскрыть свои свободолюбивые идеи. Достаточно привести цитату из вступительной статьи к «Избранным произведениям» Ф. Глинки: «Стремление Глинки превратить бога в активного участника политической борьбы придавало элегическим псалмам форму своеобразного обращения, агитационного монолога, в котором поэт убеждал своего небесного слушателя спуститься на землю, “восстать” и “двинуться”. <...> Героическая патетика и возвышенные монологи Глинки, в соответствии с практикой декабристских поэтов, опирались на библейскую символику и величие книжно-славянской речи» [Базанов, 1957, 29–30; см. также: Базанов, 1961, 139–164].

А. В. Архипова предложила воспринимать «Опыты священной поэзии» как архитектурное единство, скрепленное лирическим героем и сюжетом: «Через всю книгу, которую, несомненно, следует рассматривать как единый цикл, проходит мотив неприятия сущего и борьбы за лучший мир. <...> Одна из важных сторон библейских стихотворений Глинки – образ лирического героя, проходящий через весь цикл. Таким героем является поэт-

пророк. У него был и литературный прототип – библейский Давид, и реальный – сам автор стихов, декабрист Федор Глинка. Образ пророка дан в нескольких аспектах: грешник, мучимый сознанием своей слабости, несовершенства и одиночества; человек, начинающий постигать истину, обретший надежду; и, наконец, суровый праведник, борец и победитель. Путь героя от первой его ипостаси к последней и составляет сюжет книги» [Архипова, 1987, 60–61]. Идею скрепления книги стихов единым лирическим героем, проходящим разные этапы развития (грешник – праведник – пророк), можно рассматривать как один из важнейших путей анализа. Однако нужно учитывать, что Глинка создавал «Опыты священной поэзии» для выражения не столько политических, сколько религиозных взглядов. Если согласиться с мнением Архиповой, то в анализе не найдут должного отражения мотивы и темы, связанные со страданиями и сомнениями праведника (тоска, страх, устремление к Богу, образ «града покоя»), а представление об образе пророка будет искажено, поскольку он не только «борец и победитель», но и одинокий, страдающий человек.

В статье В. Брио «Поэтические псалмы Федора Глинки» указаны основные лейтмотивы («правды вечные законы», тишина, свет) и «метафорические оппозиции» (праведник – грешники, земля – небо), на которых строится единство «Опытов священной поэзии». По мнению исследовательницы, эта книга представляет собой «жизненное и поэтическое кредо» автора. В. Брио отмечает ориентацию Глинки на Псалтырь, жанр переложения псалмов и стихотворной молитвы, но все перечисленные пути исследования лишь намечены. Подробного аналитического разбора и выхода к пониманию архитектурного единства книги стихов данная статья не содержит [см.: Брио, 1995, 101–110].

На наш взгляд, поэзия Глинки заслуживает подробного анализа именно как архитектурное единство, создание которого было обусловлено органической близостью автора к Православию. В основе «Опытов священной поэзии» лежит целостная философско-религиозная концепция, призванная ответить на самые важные вопросы бытия: что такое Вселенная? как она была создана? каким образом человек может ее познать, и возможно ли это вообще? какое место в этой Вселенной он занимает? как

он должен жить? «Опыты священной поэзии» – книга стихов, обладающая не только развернутой системой концептов, но и сквозным лирическим сюжетом, героем которого становится человек, носитель религиозного сознания.

В «Опытах...» наибольшую смысловую нагрузку несут концепты *хлеб, вино, дух, душа, жизнь, земля, любовь, покой, сердце, слезы, смерть* и производные от них. Даже при беглом взгляде этот словесный ряд можно разбить на оппозиции: *хлеб – вино, дух – душа, жизнь – смерть, земля – небо*.

Лирическим сюжетом становится духовный путь человека от греховного состояния через сомнение и страдание к постижению божественного замысла, к гармонии и покою. Поэтому необходимо проанализировать, как характеризует автор природу человека, затем осмыслить оппозицию земного и небесного миров, представленную в книге, и только потом показать, каким образом человек может преодолеть разрыв между этими мирами.

Концепты *хлеб* и *вино* обозначают различие между грешниками и праведниками, между земным миром и небесным. Таинство евхаристии состоит в том, что верующие христиане вкушают хлеб и вино. Это символизирует заключение завета между человеком и Христом: «Приимите, ядите, сие есть тело Мое, еже за вы ломимое; сие творите в Мое воспоминание» [1 Кор., 11, 24]; «Такожде же и чашу по вечерю глаголя: сия чаша новый завет Моею кровию, яже за вы проливается» [Лк., 22, 20].

Вкушение хлеба и вина – не просто память о Христе и его муках, это символическое обретение гармоничного небесного мира. Таинство евхаристии открывает человеку возможность единения с Богом. Примечательно, что обратный путь был проделан в свое время Адамом и Евой также через поедание пищи: «В онъже аще день снете от него [от древа познания добра и зла], отверзутся очи ваши, и будете яко бози, ведяще доброе и лукавое. И виде жена, яко добро древо в снедь и яко угодно очима видети и красно есть, еже разумети: и взявши от плода его яде, и даде мужу своему с собою, и ядosta» [Быт., 3, 5–6]. Познав различие добра и зла, человек уже не смог жить в раю, в гармонии с окружающей действительностью. Он погрузился в хаос земного мира, в котором есть место добру и злу, спокойствию и страданию. Природа человека оказалась разделенной на две

части, одна из которых принадлежит земле (тело), а другая – небу (душа). Соответственно, для каждой из этих составляющих человека частей необходима особая пища. Чрезмерное потакание телу, его желаниям и вкусам ведет к одному из семи смертных грехов – чревоугодию. Тогда как небесная пища дается не каждому, а лишь праведникам, которые знают, как ее обрести.

Грешник – раб своего тела, которое, как известно, нельзя насытить раз и навсегда, поэтому постоянный поиск пищи становится причиной многочисленных распрей и войн: люди «долго жить так не устанут, / Друг друга долго злобить станут, / Как хлеб друг друга поедят» [«Гнев Господа на нечестивых», 158]¹. Однако этим они насыщают только свое чрево. «Вином разврата упоенны», они интуитивно чувствуют странную тоску – небесная часть их природы (душа) также требует пищи. Но они не знают, где ее взять, и блуждают во тьме: «Слепец без посоха во мгле / Душе голодной ищет пищи: / Он ищет жизни – на кладбище!» [«Желание неба», 24]. В конце концов, сами грешники превратятся в пищу для диких зверей: «Им будут в яству ваши трупы, / И в питье им ваша кровь. / И все, насытись, опочиют / Меж вас, безгробных мертвецов...» [«Гнев Господа на нечестивых», 159]; «Я зрю... о ужас! зрю могилы. / Как будто гладные уста / Снедают трупы нечестивых...» [«К Богу великому, защитнику правды», 66].

Праведник знает, как обрести небесную пищу: неустанной молитвой и постом. Духовный подвиг человека обязательно будет вознагражден Богом, как, например, это показано в стихотворении «Благодатный гость». К жилищу бедного пастуха приходит странный путник: «Он дивен видом, сановит, / Но прост и ласков он приветом» [130]. Путник просит у пастуха разрешения переночевать в его «укромном шалаше». На что последний отвечает, что шалаш его «темен и мал», а сам он беден и недостойн принять гостя: «Я рано жизнью утружден: / Мой хлеб – печаль, питье мне – слезы!» [130]. Тем не менее он может угостить путника самой простой пищей: «Найду сушеных я плодов, / И свежего млека и меду... / А утром рано принесу / Из родника воды

¹ Здесь и далее в скобках указываются название стихотворения и страницы по изданию: [Глинка, 1826].

студеной» [131]. Но гость неожиданно предлагает пастуху отве-
дать той пищи, которую он принес с собой: «Я всем богат и дорог
мне / Один привет простого сердца. / Я сам умею угощать /
Моих друзей и сладким хлебом / И дорогим моим вином. /
Оно нездешнее... Отведай!» [131]. И, вкусив этого вина, пастух
приходит в восхищение: «Где край родной сего вина? / Какой
огонь, какая сладость! / Душа чудесного полна! / О дивный!
дивный! с тайным хлебом, / Ты в сердце положил мне небо!»
[132]. Эти хлеб и вино дарованы человеку Богом, но человек
должен быть достоин такого дара. «Я вижу, друг, с простой ду-
шею / Ты принял мой высокий дар; / И пламень молний, в нем
сокрытых, / Тебя огнем не опалил. / Блажен, кто вечерял со
мною: / Он глад душевный утолил» [132], – говорит путник.
Это уже не обычный хлеб, который в поте лица вынужден добы-
вать человек, и не манна небесная, которая не дарует жизни
вечной. Христос в Евангелии от Иоанна говорит людям, споря-
щим с Ним: «Аминь, аминь глаголю вам: веруяй в Мя имать
живот вечный. Аз есмь хлеб животный: отцы ваши ядоша ман-
ну в пустыни и умроша: сей есть хлеб сходяй с небесе, да, аще
кто от него яст, не умрет: Аз есмь хлеб животный, иже спешший
с небесе: аще кто снестъ от хлеба сего жив будет вовеки: и хлеб,
егоже Аз дам, плоть моя есть, юже Аз дам за живот мира» [Ин.,
6, 47–51].

«Вино разврата» не дает жизни вечной, а вызывает только
опьянение. Небесное вино даруется избранным и вызывает
неземной восторг и восхищение. Земной хлеб не питает души, ос-
тавляет ее голодной пресмыкаться во мгле. Жизнь праведника
во Христе дарует ему «хлеб живой».

Но праведник все равно страдает в земной жизни. И для
передачи его страданий также используются образы еды и питья.
В псалмах изображение человеческих страданий поражает сво-
ей жестокостью: «Ни ли уразумеют вси делающие беззаконие,
снедающие люди моя в снедь хлеба; Господа не призваша» [Пс.,
13, 4; 52, 5]. Люди со всех сторон окружены опасностями: «Яко
толща земли проседесе на земли, расточишася кости их при аде»
[Пс., 140, 7]. Грешники «обяша мя яко лев готов на лов и яко
скимен обитай в тайных» [Пс., 16, 12], они «тук свой затвориша,
уста их глаголаша гордыню» [Пс., 16, 10]. Праведник восклицает:

«Везде мятеж и грустный мрак, / И глад с кровавою войною / На трупах пировал свой брак...» [«Горе и благодать», 28]; «Пирует в замыслах лукавый; / Твоих людей как хлеб едят!» [«Память о Божиих словах», 63].

Не только окружающая реальность враждебна человеку, сама жизнь его безрадостна и исполнена скорбей: «Зане пепел яко хлеб ядях и питье мое с плачем растворях, от лица гнева Твоего и ярости Твоея: яко вознес низвергл мя еси» [Пс., 101, 10–11]. В стихотворениях Ф. Глинки тема страданий разработана с помощью концептов еды и питья очень подробно: «тоска снедает» человека, сердце его «гложут» тревоги, печали и страсти, «как змеи череп мертвеца» [«Преходящий мир», 79]; «Тоска – мой хлеб; питье – из слез; / Я на земле хожу печален» [«Желание Бога», 18]. Человек чувствует себя отверженным от источника жизни и в раскаянии восклицает: «В смятеньи, Ангельского хлеба / Не принял я из Огчих рук: / Мой дух боялся новых мук» [«Глас к Господу», 96].

Праведник не приносит тучных тельцов в жертву: «Господи, устие мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою. Яко аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо: всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» [Пс., 50, 17–19]. Действительно, Бог говорит: «Ты мне не жертвовал овнами, / Ни фимиамом от кадил. / И что мне их [грешников] кровавы жертвы / И небеса коптящий тук? / Я не люблю молитвы мертвых; / Не мне дары нечистых рук. / Ты стал в грехах передо мною, / И Я грехи твои омыл...» [«Глас Бога избранному Его», 37].

Вера, обретение истинной, вечной жизни показаны как символическое утоление жажды: «Возжада Тебе душа моя, коль множищею Тебе плоть моя, в земли пуге и непроходне и безводне...» [Пс., 62, 2]. Чистая прохладная вода – это река жизни, поток, уносящий всякую скверну: «Как с пылкой жаждою елень, / Когда сгорает знойный день, / Склонив рога, бежит, усталый, / Глотать шумящие кристаллы / В берегах студеного ручья; / Так, истомясь, душа моя, / В пустынях знойных дольней жизни, / Летит к святой своей отчизне, / К Тебе, владеющий судьбой, / К Тебе, мой Боже, Боже правый! / Твоей упиться жаждет славы / И слить навек себя с Тобой!...» [«Желание Бога», 17].

Там, в небесном мире, душа человека получает доступ к источнику вечной жизни: «Там для души зазывный пир; / Там жизнь светлей надежды ясной...» [«Желание неба», 23]; «Я таял в радости сердечной, / И пил млеко я жизни вечной» [«Минута счастья», 112].

Бог – источник жизни, а значит, Он и является подателем хлеба и вина: «Посылаяй источники в дебрех, посреде гор пройдут воды. Напаяют вся звери селные, ждут онагры в жажду свою. На тых птицы небесные привитают: от среды камня дадут глас. Напаяяй горы от превыспренних своих: от плода дел Твоих насытятся земля. Прозябаяй траву скотом, и злак на службу человеком, извести хлеб от земли» [Пс., 103, 10–14]; «Ты всех Своим питаешь хлебом; / Ты Бог всего, Ты жизнь всему»; «Не Ты ли влагою живою / Пылинки дробные жильцов / Поил, питал, очам незримых...» [«Голос к Вышнему», 14, 15].

Там, в небесном мире, «целенье неба пьет душа», там находится «фиал с кипящей влагою живой» [«Полет души», 122, 124], там небесным жителям «льется питье в сердца из Ока светлого Отца» [«Минута в лучшем мире», 109]. Человек же будет есть от трудов своих: «...Труды плодов твоих снеси: блажен еси, и добро Тебе будет. Жена твоя яко лоза плодovitа в странах дому твоего: сынове твои яко новосаждения масличная окрест трапезы твоя» [Пс., 127, 2–4].

Напротив, грешники вызывают только гнев Бога, и гнев этот прежде всего касается самого дорогого – источника жизни, т. е. еды и питья: «Се чаша ярости полна! / К тебе сойдет моя весна; / Но вместо крина и оливы / Пожнешь ты гибель на полях!» [«Из пророка Исаии», 149]²; «У ваших вод – живую сладость, / У хлеба – крепость я возьму...» [«Картина иудейских нравов», 152]; «Но Я весь хлеб с небесных нив / Раздам убогим и смиренным / За цену слез их и тоски; / А вам, раскормленным гордыней, / Невкусен хлеб мой неземной...» [«Пророк», 168].

Многочисленные примеры показывают, что концепты *хлеб* и *вино* позволяют Глинке представить всю систему мироустройства. Человек уподобляется хлебу, его судьба (вместе со всеми страданиями, тоской, тревогой) – невкусной, неприятной пище

² См. также: [Пс., 74, 9; Откр., 16, 19].

или чаще с горьким питьем. Стремление человека к красоте, гармонии с окружающим миром – это прежде всего утоление жажды в живительном источнике или подкрепление сил «ангельским хлебом». В то же время обличение грехов и прославление духовного подвига представлены в контрастных мотивах: поедания грешниками друг друга или дикими зверями и обретения «воды», «млека» «жизни вечной». Гнев Бога проявляется в том, что Он отравляет еду и питье, отбирает источник жизни или, «как мудрый вертоградарь», отсекает все истлевшее, уничтожая ненужный виноградник, не приносящий хорошего вина.

Глинка актуализирует те смыслы еды и питья, которые запечатлены в Библии, причем опирается как на Новый, так и на Ветхий Завет. Отсюда – двоякое осмысление этих концептов: изображение страданий в земной жизни, в которой люди испытывают голод и уничтожают («поедают») друг друга, и ожидание защиты от этих страданий (Ветхий Завет, Псалтырь), и обретение небесной вечной жизни, познание истины, слияние с гармонией, Абсолютом (Новый Завет, таинство евхаристии).

Жизнь в «Опытах священной поэзии» пронизывает все мироздание и напрямую зависит от соответствия законам Бога, так как «Везде, где жизнь незримо веет / И где светил сияет свет, / Присущны Вышнего уставы» [«Гимн Богу», 2]. Источник жизни заключен на небесах, там – истинная жизнь, полноценная и гармоничная; жизнь из небесного мира в виде *духа* «слетает» к человеку и дарует ему *душу* – часть небесного, божественного мира. Поэтому человек может воскликнуть: «К Нему мой глас, мой гимн сердечный, / Как дым серебряный кадил; / Туда, где жизнь иная веет, / Где все любовью светлеет...» [Там же, 6]; «Прямая жизнь на небесах / Для нас, о братья-человеки!» [«Желание неба», 24]; «Когда небесный сей элей / Течет, как здравие, как младость, / Из злато-розовых полей, / Где утаен источник жизни...» [«Глаголы неба», 33]. Для того чтобы какая-либо земная форма могла жить, в ней должен быть дух: «Повсюду Сый и все Собою / Се Он животворящий Дух!» [«Гимн Богу», 2]; «Потряса стройный чин природы, / Дух бури взрыл пенисты воды, / И сердце дрогнуло земли» [«Гимн Богу», 4]. Обиталищем духа становятся небеса, а источником – Бог: «Ты Сам и небеса с Тобою / Нисходят к чистому душой, / И зрит он, в духе, славу

Бога!» [«К Богу правды», 13]; «И дал Он юному борцу / Свой дух, Свое благословенье, / И повелел престать беде» [«Горе и благодать», 30]. Дух сходит с небес на землю, подателем духа является Бог, и, следовательно, в духе можно распознать приметы неба и Бога. Только человек, в отличие от природных стихий, обладает способностью найти в духе небесный источник: «Я часто, духом восхищенный, / Летаю в Твой надзвездный дом!» [«Желание Бога», 18]; «Я духом все ищу небес» [«Вопль раскаяния», 20].

Дух и душа в «Опытах священной поэзии» «в родстве» с небом. Но если дух сходит с небес на землю от Бога, то душа, заключенная в «телесную темницу», стремится на небеса: «Туда давно душа моя просилась, / Как просится дитя / Из чуждых рук в объятия к родимой: / Там родина моя!» [«Земная грусть», 105]. Душа страдает в земной жизни от страстей и злобы: «Покоя, мой Творец, покоя! / Покоя просит у Тебя / Моя душа, в страданьи ноя, / От скорби позабыв себя!» [«Жажда покоя», 56]; «Как горлик от зимы суровой / Душа сжимается моя!» [«Преходящий мир», 80]. Душа может очиститься от страданий и грехов: «И, как младенец из купели, / Душа омылася моя. / Где ж бунт страстей? Где скорби пламень?» [«Голос души», 87], – и улететь на небеса: «Душа, как светлая молитва, / Как гимн святей из чистых уст, / Как дым от мастики душистый, / К Тебе возносится, Творец!» [«Богу спасителю», 50]; «Душа, как светлый луч, на небо улетает, / Оставя наше нам и горе, и добро. / Как птица, оброне от быстрых крыл перо, / В полете силы не теряет: / Оставя так душа скудельный свой сосуд, / Сказав земле: “Прости!”, забыв болезнь и труд, / Путем молодой зари и радуги прелестной / Летит, летит в предел безвестный...» [«К душе», 118–119]. Душа невидима и противопоставлена телу, из-за страстей которого она страдает.

Концепты *дух* и *душа* имеют общие значения: они незримы, бестелесны, обладают способностью летать, их «родина» – небеса, они даруют жизнь, в них проявляет себя Бог. Различие в том, что дух направлен от небес к земле, которой он дарует жизнь и помощь. Душа устремлена от земли к небу, покою и оставляет на земле страдания и смерть.

В течение земной жизни человек обязан выполнить свое предназначение, пройти через страдание: «Я утомился жизни битвой»

[«Желание Бога», 17]; «Смятен мой дух, мой ум скудеет, / Мне жизнь на утре вечереет...» [«Вопль раскаяния», 20]. Если жизнь на земле соответствует уставам Бьшнего, она будет долгой и счастливой, несмотря на все испытания: «В суде – защита нищете! / Вся жизнь – будь жертва правоте! / Законам правды – поклоненье!» [«Тщета суетумудрия», 10]. Неправедная жизнь не приближает к жизни вечной: «Доколе, Господи, доколе / Сим нечестивцам пировать / За сладкою трапезой жизни, / Ругаясь благостью Твоей?» [«К Богу правды», 11]. *Жизнь* не прекращается с наступлением *смерти*, а переходит в новое качество. *Смерть* более характерна для земного мира, она постоянно преследует человека: «Везде он чист, душею прям / И в очи смерти и бедам / Глядит с покоем нерушимым» [«Блаженство праведного», 7]; «Когда б меня враги лукавы / Влекли, как жертву, в смертный ров» [«Сетование», 47]; «И только трепетную душу / Стеснял какой-то смертный хлад» [«Богу спасителю», 51]; «Они тебя произвольно / Своей гневил слепотой! / Родясь с веригами порока, / В долинах смерти, в узах рока, / Скитался род наш сиротой» [«Суд и милость», 73].

Трехчастное деление мироздания на небеса, землю и ад также подкрепляется концептами *жизнь* и *смерть*. Истинная жизнь, данная в чистом, без примеси страдания, виде, есть лишь на небесах. На земле жизнь ущербна, подвержена опасностям, страданию, но может быть организована и в соответствии с законом, находящимся на небе. Тем самым она приблизится к гармонии. Это отличает землю от области ада, в которой нет надежды, а есть лишь смерть. Именно на ад обрекают себя грешники, не соблюдающие небесный закон: «Я в ад низринулся стрелою: / Там смерть пасет свои стада / В полях, покрытых вечной мглою» [«Вездесущность Бога», 84]. Что касается смерти праведника, то она дарует его душе возможность избавиться от земного плена и вознестись на небеса к истинной жизни: «Мне смерть, как друг, отдаст и жизнь, и крылы, / И полечу в надзвездный я предел» [«К душе», 120].

На первый взгляд, *земля* и *небо* в «Опытах священной поэзии» противопоставлены друг другу, однако между ними присутствует незримая связь. Небо находится наверху, а земля под ним. Небо дарует жизнь земле. Светит солнце, сменяются времена года,

разражаются климатические катаклизмы (буря, гром, молния) – все это происходит из-за вмешательства небесных сил в земные дела. Человек оказывается между ними, он обладает двойственной природой: «Не весь я персть: в родстве по духу с небом, / По телу – раб земли» [«Земная грусть», 108]. Состояние земли зависит от действий грешников: «Неправда разлилась, как море, / И тонет в ней Твоя земля!» [«К Богу правды», 11]; «Земля колеблется в тревоге; / И, в буйных замыслах своих, / Текут народы на народы, / Как расколыханные воды / Свирепой бурей ночной...» [«Пророк», 165]. Но в то же время земля жаждет весеннего обновления: «Земля становится иною... / Я землю обновлю весною, / Но хладный в вере и любви, / Народ! ты дух свой обнови / В святой купели покаянья!» [«Из пророка Исаии», 149]. Небо является родиной человека, куда устремлены все его порывы и искания: «Как я пленен спокойным небом: / Там свят, Создатель, Твой закон!» [«Голос к Вышнему», 14]; «...Твоя с страдальца длань / Сорвет, как ризу, укоризну / И небо даст ему в отчизну!» [«Желание неба», 25].

Очевидно, что *земля* и *небо* – это наиболее важные концепты. Все остальные концепты так или иначе соотносятся с ними. Именно религиозное восприятие земного и небесного миров и их взаимодействие обуславливают строение мироздания, по Глинке, и особую роль человека в нем. Все мироздание создано Богом, подвластно его воле. Бог одновременно вне мироздания и в нем. Он – источник жизни, пронизывающей все творение в виде духа и существующей в человеке в виде души. В основе мироздания заложена антиномия, четкое разделение на два начала: доброе – злое, вечное – преходящее, святое – греховное. Оба начала совмещены в человеке. Однако эта структура неустойчива, поскольку человек постоянно уклоняется то в одну, то в другую сторону. Небесная любовь, связующая все мироздание «вервием живым», *благодать*, даруемая *духом* в помощь человеку, *душа*, испытывающая неясное влечение к небесной отчизне, – все это открыто и понятно лишь человеческому *сердцу*, но не *разуму*. Именно сердцу должен довериться человек, оно может видеть небо («И ясно видят сердца очи / Сию таинственную сень / Где Твой, без солнца и без ночи, / Горит, не погасая, день!» [«Желание Бога», 18]), слышать голоса небес («Поток таинственных словес / Течет от

Господа святого! / Они, пронзая вышину, / Теснятся в грудь и в ней светлеют, / И счастьем неба сердцу веют» [«Глаголы неба», 32]), говорить с Богом («Тоска в душе, как зной, кипит, / Но сердце в грусти не молчит: / Страдая, как дитя больное, / Оно, без мыслей, вопиет / И плачем детским все родное, / Без слов, тоской к себе зовет!» [«Тоска», 34]). Человек обретает эти способности через смирение («С страстями и с сердцем кончен бой! / Я пред могуществом чудесным / Поник смиренною главой» [«Голос души», 86]) и очень боится потерять чистоту, детскую «невинность» сердца («И тайны дивные Отца / Одни, любовью возрожденны, / Постигли детские сердца...» [«Глаголы неба», 32]). Сердце, с точки зрения Глинки, должно постоянно страдать, чутко отзываясь на любую несправедливость («В груди, от скорби омертвелой, / Живое сердце я ношу; / Оно, пронзенное, тоскует, / Как горлик в гибельной сеги!» [«Сетование», 48]). Как только земная природа берет верх над человеком, сердце немеет («Лежит, как с гроба холодный камень, / На грустном сердце тяжкий грех, / И душу, чуждую утех, / Крушит, снедает тайный пламень» [«Раскаяние», 58]; «Их бледных, смутных страсти гложут, / Как змеи череп мертвеца; / И неусыпные сердца / Мечты и призраки тревожат» [«Преходящий мир», 79]). Согрешивший должен омыть сердце, иначе оно превращается в камень, и человек начинает жить только одним *умом* («О леденеющие души! / Окаменелые сердца! / Их дебелеющие уши / Не слышат голоса Отца!»; «Тогда погибнет сердце гордых, / Расслабнут сильные вожди; / Вожди их буйством умудрились, / И стал лукавством весь их ум!»; «И как мороз сжимает воды, / Так злоба жмет твои сердца» [«Глас пророка», 172, 174, 176]).

В конечном итоге это разделение мира на два начала достигает «точки кипения» (действительно, в «Опытах священной поэзии» небо «кипит радостью», чувствуя присутствие Бога, а на земле, наоборот, «грехи кипят»), тогда все мироздание устремляется к целостности, к преодолению разрыва, двойственности. Это преобразование возможно только благодаря действию божественной воли («Я сердце каменное вырву, / И сердце новое им дам; / И дам им детскую невинность, / И ослабление лицу» [«Гнев Господа на нечестивых», 162]; «Тогда Мой дар – святая крепость – / Сердца невинных умастит; / Я погашу страстей по-

жары, / Исторгну клеветы и свары, / Свяжу лукавство и порок, / Обезоружу смерть и рок, / И, примирясь с Моей землею, / Я примирю с ней небеса!» [«Пророк», 170]). После этого «примирения» сердце человека, земля и все мироздание должны обрести покой.

Мироздание, как было сказано, разделено на земную и небесную части, источник покоя находится на небесах: «Как я пленен *спокойным небом*, / Там свят, Создатель, Твой Закон» [«Голос к Вышнему», 14]; «И взор их [Ангелов], исцеляя муки, / Ложится в душу, как покой» [«Минута счастья», 112]; кто исполняет заветы «Тому, сторицею воздав, / Я [Бог] приложу все блага жизни / И лучшее из всех – покой, / Богатство веры и надежды» [«Благодатный гость», 133]. Итог развития мира предопределен: небесное поглотит земное, будет создан «град Покоя»: «И ваше солнце не посмеет / Там показать свое лице: / Оно темно пред светом славы, / Которой вечные лучи / Оденут пышно град Покоя» [«Венец времен», 179–180].

Но помимо описания устройства Вселенной, Глинка обращает внимание и на человека в ней. Он не просто воссоздает религиозное представление о человеке, но показывает его в действии, в пути к небесному миру, к Богу, перелагая известную евангельскую притчу о блудном сыне. Человек – *нерадивый сын*, покинувший родной дом. Бог – *отец*, прощающий и принимающий его под свой кров.

Стремление души человека в небесный мир, к Богу воплощено в стихотворении «Блудный сын». Оно состоит из четырех фрагментов, т. е., по сути, является микроциклом.

В первом фрагменте младший сын уходит от отца, чтобы быть «самому себе господином», изведать жизнь, которая ему кажется сплошным весельем и забавой:

Он некогда отцу сказал:
«Мне жить с тобою нет охоты,
Мне тяжки сельские работы:
Еще я света не видал.
Отдай наследное именье,
Отдай, отец, мою мне часть!
Я над собой имею власть
И в свете жить найду уменье...» [136].

Отличительной чертой героя Глинка делает самоуверенность (в тексте евангельской притчи этого нет). Герой хочет покинуть отчий дом, но не знает окружающего мира и, по большому счету, не знает самого себя. Он жаждет самостоятельности, но не осознает, для чего она ему нужна. Он легкомысленно тратит наследство и время своей жизни на легкие забавы:

И стал себе он господин:
Мечты и страсти заиграли,
Как искры радости сверкали,
И, мнимый сердца властелин,
Он в область ринулся забавы [136].

Нельзя сказать, что это было совершенно необдуманным шагом. В поведении блудного сына просматривается следование простой житейской мудрости: человеческая жизнь коротка, поэтому нужно получить как можно больше радостей и удовольствий. Но оказывается, что жизнь человека не ограничивается одними пирами и забавами, она также включает в себя страдания и горе:

Средь ароматов и сластей
В чертогах кедровых высоких,
Он снял бразды с своих страстей,
И говорит: «Дни кратки наши
Как сон туманный пролетят!
Друзья! смелей напьем чаш
И в благовонный аромат,
От многоценного едя,
Власы потопим!.. Не жалея
Я угощаю, други, вас!
Нас обовьют красавиц руки!
Нам розы и свирелей звуки...»
Но вот, как смерть, подкрался час,
Как тать в полночи незримый,
И обнищальный и гонимый
Бежит, минутной неги сын,
В пустыни дикие один... [137].

В отчем доме герой чувствовал заботу и понимание, «на берегах Нила» его поначалу окружали друзья. Теперь он одинок. Противопоставление двух миров (отчий дом – берега Нила)

в контексте всей книги оборачивается разделением мира небесного и земного. Герой, надеясь на то, что он «властелин» своего сердца, пускается в опасный путь. Но эту опасность он осознает не сразу и, только согрешив, вдруг обнаруживает, что он действительно одинок и неприкаян в земном мире.

Второй фрагмент начинается с изображения прекрасной природы. Весеннее пробуждение мира тем не менее уже не радует главного героя. Он чувствует, что окружающий его мир – чужой, и жаждет возвратиться на родину:

Но грустный гость чужого берега
Не зрит красы чужой страны:
Не для него природы нега;
И радости родной весны
В душе проснулись печальной,
Как на долине погребальной
С зарею свежие цветы... [138].

Герой не сразу приходит к осознанию своего следующего шага – возвращения под отчий кров. Сначала он не понимает или не признает этой возможности, вопрошая: «...Когда гонимый я судьбой, / Когда от жизни оторвуся?» [139]. Обретение другой жизненной задачи – возвращение к Отцу – происходит через утрату смысла в жизни земной. Самоуверенность героя исчезает. Теперь он готов к покаянию и искуплению грехов:

К тебе, отец, к тебе хочу!
Перед тобою, друг почтенный,
Страстями странник заблужденный,
Себя в грехах я обличу... [139].

Стремление порвать все связи с миром приводит главного героя к попытке вернуться туда, где он был счастлив, где он «владел правдой». На это способен лишь тот человек, в котором живет тоска по божественному миру. Собственно, это и есть главная тема всей «священной» поэзии Глинки: поиск пути для спасения человека в земной юдоли.

Третий фрагмент стихотворения (самый короткий) повествует о возвращении блудного сына. Герой вновь обретает гармонию с окружающим миром, его не мучает голод, «ласковый ветерок»

напоминает о беззаботной юности, проясняются думы. Глинка использует традиционные мотивы: сомнения героя, ласковую встречу в отчем доме, возрождение героя, обновление его души. Разница лишь в том, что от былой уверенности не осталось и следа. Наоборот, герой «цепенеет», «колеблется», «трепещет» и ждет «суда» над собой:

«Но, мой отец! твой вид угрюмой...
Боюсь...». И весь он трепетал,
И цепенел и колебался...
Но кто над нищим улыбался,
И сердцу сердцем говорил?
Кто окропил его слезами
И столь знакомыми руками
В свои объятия стеснил?
Отец!.. Он здесь – и все забыто!
Тиха душа как светлый мир;
И ожил грустию убитой
И зашумел веселый пир [140].

В составе микроцикла смысловой акцент перенесен на последний, четвертый, фрагмент. В нем смыкаются ведущие линии сюжета «Опытов священной поэзии». Блудный сын, оказывается, не кто иной, как лирический герой всей книги стихов, более того, лирическое «я» самого автора: «Когда ж и я, дитя неволи, / Из знойных жизни сей степей, / Из сей туманные юдоли, / Словив кольцо земных цепей, / К Тебе, Небесный, возвращуся?...» [140–141].

Блудный сын повторяет тот путь, который по ходу всей книги совершает праведник. Он догадывается о своей неземной природе, страдает в земной жизни среди ширующих грешников и также через покаяние стремится к небесному миру. О своей причастности к этому пути неожиданно заявляет еще один лирический голос. Слова, которые он произносит, ближе всего к авторскому сознанию. Именно поэтому, на наш взгляд, стихотворение «Блудный сын» заслуживает особого внимания при анализе книги стихов. В нем реализованы все упоминавшиеся концепты: человек считает себя властелином сердца и полагается на свой разум, его печальная душа страдает и жаждет возвращения к Богу, блудный сын стремится обрести своего Отца:

И грусти не сдержав обильной,
Я здесь! воскликну наконец:
Я пред Тобою, Боже сильный!
Я блудный сын, Ты судия!
Средь ангелов Твоих немею
И повесть рассказать не смею
Тебе земного бытия!
Но в царстве смерти и порока,
Средь говорящих мертвецов,
Я зрел душой Твой дом высокой;
Я весь был грусть и весь любовь,
И не нашел любви взаимной.
И утомленный от тревог
Приют страстей покинув дымный,
Вхожу в веселый Твой чертог.
Еще в земной моей печали
Мне о любви Твоей сказали
Твои святые небеса!
Ах, повели, Отец мой вечный!
Да прирожденный грех сердечный
Омоет горняя роса!
Да совлекут с меня оковы,
Что нажил я в житейской мгле,
Да поживу с Тобой я новый
И позабуду о земле! [141–142].

В архитектонике книги микроцикл «Блудный сын» является сердцевиной, смысловым ядром. В нем заключен в преображенном виде сюжет стихотворных молитв, переложений псалмов и медитативных стихотворений (путешествия души в мир небесный), из которых и слагается жанровый состав книги стихов. Он композиционно предшествует стихотворениям «пророческого» цикла, подготавливая патетику схождения обновленного человека вновь в дольний мир, но теперь уже с увещанием и божественной проповедью. Именно это стихотворение в концентрированном виде содержит авторский концептуальный взгляд на мироздание и этическую задачу жизни человека, которая должна помочь обновлению мира.

Таким образом, творчество Глинки являет собой показательный пример того, как могут совмещаться художественный и религиозный типы сознания. Казалось бы, в книге стихов «Опыты

священной поэзии» автор не отступает от христианского представления о мироздании, в ней нет места субъективно-творческому осмыслению окружающей действительности. Однако с этим нельзя согласиться. Индивидуальный путь восхождения к горнему миру, который становится для книги Глинки инвариантным, представлен с использованием символического языка, в значительной степени заимствованного из Библии. Но этот путь мог быть и совершенно другим. Достаточно сравнить философско-религиозную лирику В. Тредиаковского, М. Ломоносова, А. Сумарокова, Г. Державина и других стихотворцев: обращаясь к переложениям одних и тех же текстов, они говорили прежде всего о собственном духовном опыте. Отличительной особенностью художественного мира Глинки является особый акцент на земных страданиях праведника и, соответственно, грозных пророчествах о незавидной судьбе грешников, преследующих этого праведника. Если в представлении о мироустройстве Глинка находится под явным влиянием духовной лирики Державина, при этом по-своему расцвечивая картины земного и небесного миров, то проблемы нравственной жизни человека разработаны им вполне самостоятельно. Здесь находят свое воплощение мотивы покаяния, жалобы, просьбы и одновременно – гнева, проповеди. На рубеже XVIII–XIX вв. творчество Глинки представляло собой наиболее полное воплощение религиозной картины мира, в которой совместились догматичность в понимании духовно-нравственного идеала с красочностью и живописной пластичностью поэтического произведения.

Архипова А. В. Литературное дело декабристов. Л., 1987.

Базанов В. Г. Ф. Н. Глинка // Глинка Ф. Н. Избранные произведения. М.; Л., 1957.

Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы. Поэзия. М.; Л., 1961.

Брюс В. Поэтические псалмы Федора Глинки // *Jews and slaves.* Jerusalem, 1995. Vol. 4.

Глинка Ф. Опыты священной поэзии. СПб., 1826.

Глинка Ф. Н. Избранные произведения. М.; Л., 1957.

Зверев В. И. Федор Глинка – русский духовный писатель. М., 2002.